

«УТВЕРЖДАЮ»

Первый проректор – проректор по ОД

ФГАОУ ВПО «Балтийский

федеральный университет

имени Иммануила Канта»

И.Ю. Кукса

5 апреля 2016 года

Отзыв

ведущей организации – ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта» – о диссертации Симоновой Ларисы Алексеевны «Французская проза первой половины XIX века и проблема личного письма», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (европейская и американская литература).

Диссертация Л.А. Симоновой посвящена проблеме личного письма как транслитературного феномена, творческого выражения внутреннего «я» автора, что определяет междисциплинарный характер исследования и его литературоведческую и философскую актуальность. Изучение моделей авторского сознания в художественном тексте является актуальным вопросом современного литературоведения.

Теоретическая значимость диссертации Л.А. Симоновой во многом определяется тем, что её автор вводит в российское литературоведение понятие *личного письма*, разработанное французскими учеными («l'écriture de soi» и смежные термины) и ставшее там, начиная с 80-х годов XX века, предметом широких дискуссий, отраженных в первой главе диссертации. Это понятие становится ключевым для собственной концепции исследовательницы, формирующейся на основе анализа широкого круга явлений французской литературы первой половины XIX века. Автор диссертационного исследования предлагает собственное понимание феномена *личного письма*, рассматривая его именно как явление романтизма, раскрывая на примере жизни и творчества ряда французских писателей (Ж.-Ж. Руссо, Э.П. де Сенанкура, Ф.-Р. де Шатобриана, Б. Констан, Ж. де Сталь, Ж. Санд), как авторское я организуется в я-текст в соответствии с культурно-эстетическими кодами эпохи. Анализ *личного письма* как наджанровой категории романтической поэтики определяет **научную новизну** работы.

Следует отметить обстоятельность и многоплановость авторского анализа рассматриваемой проблемы. Л.А. Симонова демонстрирует глубокое знание теории *личного письма*, биографий авторов, их эпистолярного наследия оригиналов художественных текстов, грамотно оперируя обширной научной базой по теме и демонстрируя уверенное владение феноменологической, герменевтической, филологическими методиками научного исследования. Диссертант не замыкается исключительно в рамках чисто литературоведческого подхода, обращаясь к философским, психологическим и психоаналитическим, лингвистическим аспектам рассматриваемой проблемы.

Безусловной **теоретической значимостью** обладают следующие выводы, характеризующие *личное письмо* как наджанровую категорию романтической поэтики:

- *личное письмо* есть процесс самопостижения (с. 36), обретения идентичности (с. 70);

- *личное письмо* реализует в романтическую эпоху принцип романизации собственной судьбы (с. 454);

- *личное письмо* отличается постоянным присутствием автора-нарратора; автор равен «я» высказывания, он не предшествует высказыванию, но устанавливается в процессе *письма* (с. 87);

- *личное письмо* всегда подразумевает рефлексии над самим словом о человеке (с.5);

- *личное письмо* – мыслящая себя форма (с. 35);

- *личное письмо* есть сопротивление всему догматическому, застывшему, всякой лишенной гибкости структуре, оно характеризуется подвижностью формы, которая подчиняется главному требованию – самовыражению в слове (С. 10);

- жанры *личного письма* обладают большой сюжетной и композиционной свободой (с. 459); объединяет все эти жанры феномен пишущего себя «я», иначе говоря, создающего себя в слове «я» (С. 8).

Весьма интересными с научной точки зрения представляются размышления и выводы автора о трансформации религиозного христианского сознания в литературно-эстетическое в романтической поэтике. Это касается и анализа трансформации исповеди в литературный жанр (с. 91 и далее), и тезиса о том, что целью романтизма становится присвоение Логоса (с. 111), раскрывающего проблематичность романтической позиции с теологической точки зрения.

Практическая значимость работы вытекает из тщательного, детального анализа творчества авторов эпохи романтизма и заключается в возможности примене-

ния результатов исследования в вузовском преподавании, а также в целях научного комментирования текстов романтической эпохи при их издании или переиздании.

Положения, вынесенные автором диссертации на защиту и получившие непосредственное обоснование в ходе исследования, не вызывают существенных возражений. Единственный вопрос возникает в связи с выводом о том, что «все произведения романтиков, в которых «я» выступает субъектом и объектом *письма*, являются единым я-текстом» (с. 17). Что имеет в виду автор? Весь корпус текстов *каждого из авторов* или все тексты романтической эпохи? В последнем случае высказанный тезис требует дальнейшего обоснования, установления природы этого единства.

Высокий научный уровень диссертационного исследования Л.А. Симоновой, последовательность, глубина и тщательность проведенного в нем анализа позволяют нам ограничить критическую часть рецензии замечаниями, имеющими рекомендательный или дискуссионный характер.

1. Вводимое литературоведческое понятие «личное письмо» не обладает терминологической четкостью. Недостаточно точно определены также понятия «личный роман», «автобиографический роман», что приводит к противоречиям в тексте диссертации. С одной стороны, Л.А. Симонова указывает на то, что «под *личным письмом* принято понимать тексты, относящиеся к жанрам автобиографической прозы (дневники, письма, мемуары, автобиография, исповедь, автопортрет, тетради, путевые записки, записные книжки и личный роман)» (С. 8), с другой стороны, убедительно доказывает наджанровую природу личного письма. Автор утверждает, что, употребляя понятие *личное письмо*, она имеет в виду автобиографические тексты романтизма (С.10), но являются ли автобиографическими романы «Оберман» Сенанкура, «Рене» Шатобриана, представляется спорным вопросом. Сама Л.А. Симонова указывает на то, что Сенанкур оставляет за собой «роль Судии, то есть Автора, который обретает единство в своей креативной функции и в противопоставлении своего творческого «я» персонажам» (с. 231), а Шатобриан «делает оценку характера и судьбы главного героя диалогически спорной, показывая разную реакцию Шактаса и отца Суэля на рассказ Рене» (с. 290). Вышеприведенные цитаты противоречат и выводам на с. 92 о том, что «автор живёт теми же ценностями, что и герой, автор принципиально не богаче героя», или «в *личном письме* не может быть дистанции между автором и героем, они тождественны», или «автор и герой в романтизме едины как в рефлексии, так и в переживании».

2. В диссертации недостаточно полно рассматривается терминология самой литературной эпохи первой половины XIX века, связанная с феноменом «личного письма». Термин «эготическое письмо», выработанный в рамках самой анализиру-

емой эпохи первой половины XIX века Стендалем, лишь вскользь упоминается в примечании 19 на с. 8, а выработанный романтиками термин «трансцендентальная поэзия» («поэзия» в данном случае включает в себя все литературное творчество, в том числе и прозаическое) вообще не упоминается. Тем не менее, представляется, что ключом к пониманию специфики романтического личного письма могла бы послужить немецкая идеалистическая философия, из которой и вырастает литературная теория и художественный эксперимент романтизма. Фихте в «Основе общего наукоучения», работе, которую Ф.Шлегель считал одной из величайших тенденций времени, исходит из того, что *Я полагает себя самого*, и оно *есть* только благодаря этому самоположению. Полагая себя как бытие, как сущее, Я является абсолютным субъектом. Вне этого осознания себя человек не является ничем. Из этого положения фихтеанской философии совершенно логично объясняется необходимость в сфере литературной деятельности *личного письма* как самоположения Я. Такому пониманию философской основы *личного письма* вполне соответствуют следующие выводы автора диссертации: «В романтизме *личное письмо* <...> намечает выход к трансцендентному» (с. 131); «В *личном письме* «я» предстаёт оформленным, следовательно, можно утверждать, что оно является добровольным самоограничением пишущего. <...> В *личном письме* «я» становится кем-то для самого себя, то есть полагает определённый образ самого себя. Это ограничение никак не противоречит непрекращающемуся становлению пишущегося «я»» (с. 459). Эти выводы раскрывают сущность *личного письма* как феномена трансцендентальной поэзии, вытекающего из трансцендентальной философии. Подобное соотнесение *личного письма* с трансцендентальной поэзией позволило бы снять противоречие, сохраняющееся в диссертации: с одной стороны, автор понимает личное письмо как, по сути, романтическое явление, с другой стороны, указывает на то, что само понятие личного письма было разработано французскими учеными на материале совсем других эпох и культурных парадигм: М. Фуко конструирует это понятие на основе текстов поздней античности (с. 46), Ж. Гюсдорф связывает явление личного письма с развитием индивидуализма в эпоху Ренессанса (с. 56).

3. В диссертации не затрагивается вопрос соотношения общеевропейских тенденций и своеобразия французской литературы. Л.А.Симонова постоянно говорит о романтизме в целом, но насколько уместным является такой уровень обобщения? Например, немецкий автор Новалис в своих фрагментах говорил как о том, что роман есть жизнь, принявшая форму книги, что соответствует концепции автора диссертации, так и о том, что с каждой чертою свершения создание отделяется от мастера, что несколько этой концепции противоречит. Почему феномен личного письма стал предметом обсуждения в основном именно французского литературо-

ведения? Связано ли это с национальной спецификой французского романтизма, шире – французской литературы и культуры? Четвертая глава третьей книги трактата Ф.Р. Шатобриана «Гений христианства» носит название «Почему французы пишут только мемуары». В ней Шатобриан ставит вопрос, почему у французов место исторических сочинений заняли мемуары, и отвечает на него, исходя из особенностей национального характера: француз, даже делаясь летописцем событий, продолжает писать о себе. Соответственно своему желанию быть на виду и пропускать события сквозь призму собственного восприятия, собственной жизни, он и выбирает жанр мемуаров как наиболее подходящий. Таким образом, Шатобриан подчёркивает связь личного письма с французским национальным характером. Есть ли другие документы эпохи, устанавливающие подобную взаимосвязь? С чем связан тот факт, что именно во Франции в эпоху романтизма развивается психологическая проза?

4. Спорными представляются некоторые отдельные тезисы, высказанные в диссертации. Так, например, вывод о том, что «именно литература в романтизме становится последним откровением о человеке» (с. 17) вступает в противоречие как минимум с феноменом отречения от искусства (в том числе от собственных литературных произведений) в пользу религии в немецком романтизме. Спорным представляется и тезис о том, что «используемое понятие *личного письма* задаёт непосредственную (не нуждающуюся в языковой опосредованности) связь между сознанием (мышлением) и *письмом*» (с. 33). Каким образом письмо может не нуждаться в языковой опосредованности, носить внеязыковой характер?

Высказанные соображения, вопросы и замечания не снижают общего высокого уровня диссертационного исследования, носят рекомендательный характер, направлены на дальнейшее стимулирование и развитие научной мысли.

Автореферат и 28 публикаций автора, включающих 3 монографии и 15 статей в изданиях, рекомендованных ВАК, в полном объеме отражают содержание диссертации.

Таким образом, суммируя вышесказанное, считаем, что рецензируемая диссертация является научно-квалификационной работой, посвященной актуальной проблеме современного литературоведения, тематически соответствует паспорту специальности 10.01.03 – литература народов стран зарубежья, в полной мере отвечает требованиям, установленным в п.9-11 «Положения о присуждении ученых степеней» в редакции Постановления Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. , а ее автор, Симонова Л. А., заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности

10.01.03 – литература народов стран зарубежья (европейская и американская литература).

Отзыв о диссертации Симоновой Л.А. «Французская проза первой половины XIX века и проблема личного письма», подготовленный кандидатом филологических наук, доцентом Васкиневич Анжеликой Игоревной (специальность 10.01.03), обсужден и утвержден на заседании кафедры исторического языкознания, зарубежной филологии и документоведения Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта» (протокол № 8 от 5 апреля 2016 г.).

Заведующий кафедрой
исторического языкознания,
зарубежной филологии и документоведения
ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный
университет имени Иммануила Канта»
доктор филологических наук (10.02.01 – русский язык),
профессор Светлана Сергеевна Ваулина

Подпись С.С. Ваулиной удостоверяю
Первый проректор – проректор по ОД

И.Ю. Кукса

236041, Калининград, ул. Александра Невского, 14.

(84012) 465917

rector@kantiana.ru

www.kantiana.ru

СОСТАВИТЕЛЬ ВНЕШНЕГО ОТЗЫВА:

Васкиневич Анжелика Игоревна кандидат филологических наук, доцент кафедры исторического языкознания, зарубежной филологии и документоведения Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта.

Почтовый адрес (рабочий): 236041, г. Калининград, ул. Александра Невского, д. 14.

Почтовый адрес (домашний): 236040, г. Калининград, ул. Ченяховского, д. 16.

Телефон: (84012)465917.

e-mail: vaskinev@mail.ru

Публикации:

1. Васкиневич А.И. Кенигсбергский контекст творчества Г. фон Клейста: Элизабет Штегеман и её круг общения // Балтийский филологический курьер. 2011. – №8. – С. 54-78.
2. Васкиневич А.И. Тайна образа и проблема интерпретации в эстетике немецкого романтизма. // Художественный текст: интерпретации. Сборник статей к юбилею профессора В. И. Грешных. Калининград, 2011.
3. Vaskinevich A. Heinrich von Kleist und Elisabeth von Staegemann: aus der Geschichte einer Königsberger Freundschaft. // Gedankenstriche 2011. Ein Journal des Kleist-Museums. Frankfurt/Oder, 2011. S. 25-33.
4. Васкиневич А.И. Жанр *memento mori* в средневековой немецкой литературе // Вестник Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта. Филологические науки. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2015. – Вып. 8: Филологические науки. – С. 59-64.